

3, 3(2)
2 46

352

352

А. Н. ВЕРШИНСКАГО

10

ОБЪ

УГОРСКОМЪ НАРОДЪ,

ОБИТАВШЕМЪ

ВЪ СРЕДНЕЙ И СЪВЕРНОЙ РОССИИ, ВЪ ФИНЛЯНДИИ И ВЪ СЪВЕРНОЙ ЧАСТИ СКАНДИНАВИИ
ДО ПРИВЪТІЯ ТУДА НЫНѢШНИХЪ ИХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Д. П. ЕВРОПЕУСА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1874.

352
18
ОБЪ
УГОРСКОМЪ НАРОДЪ,

ОБИТАВШЕМЪ

ВЪ СРЕДНЕЙ И СЪВЕРНОЙ РОССИИ, ВЪ ФИНЛЯНДИИ И ВЪ СЪВЕРНОЙ ЧАСТИ СКАНДИНАВИИ

ДО ПРИВЪЗТА ТУДА НЫНѢШНИХЪ ИХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Д. П. ЕВРОПЕУСА.

— 88 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1874.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

ОБЪ УГОРСКОМЪ НАРОДѢ,

обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей.

Д. П. Европеуса.

«Какія археологическія изслѣдованія отчасти уже указали на границы между племенами, обитавшими на Руси?» Это — послѣдняя половина семнадцатаго вопроса, предполагаемаго къ обсужденію на нынѣшнемъ Археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Іюль мѣсяцъ 1868 г.) я помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: *«Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія туда Славянъ»*, въ которой уже доказалъ, что изслѣдованія о названіяхъ нерусскаго происхожденія мѣстностей лучше всего указываютъ на границы между племенами, обитавшими на Руси; слѣдовательно въ ней уже по мѣрѣ тогдашнихъ моихъ изслѣдованій данъ былъ отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ Археологическаго съѣзда. Теперь я могу сказать, что главная, существенная часть этой моей статьи совершенно подтверждена послѣдними моими изслѣдованіями, и что только менѣ важныя мѣста въ ней подлежали измѣненіямъ и поправкамъ. На основаніи этихъ моихъ изслѣдованій я составилъ приложенную къ настоящей статьѣ *этнографическую карту древней Россіи*, съ обозначеніемъ границъ, до которыхъ въ древнія времена распространялись разныя вѣтви такъ называемаго финско-венгерскаго или финско-угорскаго племени. Точнѣ всего опредѣлены древнія границы самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга вѣтвей этого племени, то есть собственно такъ называемыхъ Финновъ и одноплеменныхъ съ ними Эстовъ и Обонокской Чуди съ одной и Угры или Югры съ другой стороны. Угрою или Югрою назывались въ дорусскія времена предки нынѣшнихъ Венгровъ, Вогуличей и Остяковъ. Послѣдніе два народа, сосѣди ихъ Зыряне и говорящіе особеннымъ зырянскимъ нарѣчіемъ Вотяки еще до сихъ поръ называютъ *Jōgra*, во множественномъ числѣ *Jōgrajas*. Древнія границы другихъ финско-венгерскихъ народовъ, а именно: Мордвы, Лопарей, Черемисы и Зырянъ съ Вотяками, до сихъ поръ, напротивъ того, еще довольно трудно опредѣлить. Болѣе всего ясны древнія границы Мордвы, и преимущественно Зырянъ и одноплеменныхъ

съ ними Вотьяковъ, хотя на специальныхъ картахъ нынѣшняго и древняго мордовскаго края находится сравнительно очень незначительное число явно мордовскихъ названій мѣстностей, между которыми названія рѣкъ съ окончаніемъ *-лей* = *рѣка* вѣрнѣе всего опредѣляютъ границы древней мордовской области, простиравшейся немного далѣе нынѣшняго мордовскаго края.

Зыряно-вотьяцкихъ сложныхъ названій мѣстностей довольно много; древнее распространѣніе Зырянъ и Вотьяковъ указывается: короткими названіями рѣкъ на *-ва* = *вода*, какъ-то: *Сосва*, *Колова*, *Инва*, *Уйва*, *Нейва*, *Сылва*, *Тулова*, отчасти названіями городовъ на *-каргъ*, какъ-то *Войкаргъ* — *сѣверный городъ* или собственно *ночный (ночь-) городъ* въ древней землѣ Угры при нижнемъ теченіи рѣки Оби, *Уркаргъ* — *блуждающій городъ*, а не *блудный*, какъ сказано въ «Книгѣ, глаголемой Большой Чертежъ», сочиненной около 1600 года, *Искаргъ* — *каменный (камень-) городъ*, на рѣкѣ Сосвѣ, и др. и названіями устій рѣкъ на *-доръ*, какъ-то *Обдоръ* (Обдорскъ) = *устье Оби*, по зырянски собственно *дндудуки*. Обь по остяцки *Асз* тоже *дндудука*, сравн. венгер. *ös* (*дш*) тоже *дндудука*, финск. *isä* *отецъ*. Отъ названія Оби *Асз* Остяки сами себя зовутъ *Асз-яхъ* = *Обскіе люди*, отъ чего произошло русское *Остякъ*.

Къ древнему угорскому или югорскому народу принадлежали, какъ выше сказано, предки нынѣшнихъ Венгровъ, Вогуличей и Остяковъ. Раздѣленіе ихъ произошло въ историческое время, такъ какъ Венгры въ 884 году по Р. Хр., подъ предводительствомъ Альмуса, переселились въ Паннонію, нынѣшнюю Венгрію. По сказанію самаго древняго лѣтописца Венгровъ, Анонима Белы, они вышли изъ земли Сдгтіи, лежащей въ Европѣ и простирающейся, какъ говорятъ Анонимъ, Иорданъ и Симеонъ Кезай, послѣ Анонима второй изъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Венгріи, отъ Сѣвернаго моря до рѣки Дона и Аланіи и отъ рѣки Вислы до Урала. А шли они черезъ рѣку «*Etyl*», то есть Волгу, по татарски *Idel*, черезъ города «*Susudal in Russia*», Кіевъ и Владиміръ, конечно Вольнскій, и наконецъ черезъ «*montes horvos*», то есть сѣбжыи = Карпатскія горы (*horvos* — *сплывшій* венгерское слово) въ Паннонію, чтобы тамъ, какъ говоритъ Анонимъ, «овладѣть наслѣдствомъ Аттилы, прадѣда Альмуса». Слѣдовательно «Высокія горы», черезъ которыя, по сказанію Нестора, шла Угра, послѣ того какъ прошла въ 898 г. мимо Кіева, не могутъ быть Уральскія, какъ думаютъ нѣкоторые толкователи Нестора, потому что Угра, по названіямъ мѣстностей, уже въ дорусскія времена жила въ Европейской Россіи. Эти горы могутъ быть только Карпатскія, на чтѣ и указываетъ порядокъ словъ у Нестора.

Достойно вниманія изслѣдователей, что отецъ Альмуса у Кезая называется *Uger*, у Анонима *Ugek*, а дядя Альмуса у Анонима носитъ имя *Hulesc*. Не Игорьъ ли былъ *Uger* (*Угерь*) и не Олегъ ли *Hulesc*? Извѣстно, что Меря и Бѣлозерская Вель, которыя по названіямъ нерусскаго происхожденія мѣстностей, сохранившихся до сихъ поръ во множествѣ въ древнихъ ихъ земляхъ, были народы чисто угорскаго происхожденія, составляли часть, а можетъ быть и самую значительную часть, войска Игорева.

Въ войскѣ монгольскихъ Хунновъ, при переходѣ ихъ на югъ Европы, тоже было значительное число Угры. О Хуннахъ, обитавшихъ въ верхней Азіи, приведены обширные разсказы въ русскомъ переводѣ изъ древнихъ современныхъ китайскихъ историковъ въ прекрасномъ сочиненіи отца Іакинѣа: *О народахъ верхней Азіи*. Послѣ смерти и уничтоженія могущества Аттилы сыну его, Денгизику, остались вѣрными между прочими *Биттогуры*,

как говорить Иорданъ. Это названіе и многія другія названія угорскихъ племёнъ, явившихся во время переселенія народовъ въ Паннонію и въ страны около Чёрнаго моря, оставались до нашихъ изслѣдованій необъяснимыми. Имя *Биттогуръ* чисто угорское и значить *Чёрная Ура* или *Юра*. *Чёрный* въ нарѣчіяхъ Березовскихъ и Обдорскихъ Остяковъ передается словомъ *нитты* (см. рукописный словарь Вологодскаго, хранящійся въ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ). Слово это сокращено изъ полной формы *neide*, встречающейся въ другихъ остяцкихъ нарѣчіяхъ; по венгерски оно *fekete* и образовалось по звуковымъ законамъ венгерскаго языка изъ древней формы *peketete*. Въ вогульскомъ и въ другихъ финско-венгерскихъ языкахъ этого слова нѣтъ. *Биттогуръ* слѣдовательно были самые близкіе родственники прародителямъ нынѣшнихъ Обдорскихъ и Березовскихъ Остяковъ, которые, какъ показываютъ мои изслѣдованія о названіяхъ мѣстностей, въ старину жили около Сѣверной Двины и около ея притока Ваги.

Относительно значенія имени *Биттогуръ* нельзя сомнѣваться, когда узнаемъ, что въ войскѣ Хунновъ находился народъ *Сарагуръ*, котораго названіе по вогульски буквально значить *Бѣлая Ура*. По вогульски, въ нарѣчій Кондинскихъ Вогуличей, слово *sajr* значить *бѣлый* (см. *A' Kondai Vogul nyelv* = *Кондинско-вогульскій языкъ*, сочиненіе венгерскаго академика Hunfalvy), въ нарѣчій около рѣки Чусовой (у Палласа, *Vocabularia comparativa*) тоже *сайранъ* бѣлый, сравн. по кондински *sajren* бѣловатый. Въ другихъ вогульскихъ нарѣчіяхъ у Палласа *сарни*, *сорни* бѣлый (бѣловатый?). Въ послѣднихъ мы уже находимъ корень *сар*, *сор*, который встречается и въ названіи *Сарагуръ*. Въ другихъ финско-венгерскихъ языкахъ этого слова нѣтъ, но оно по самоѣдски во всѣхъ нарѣчіяхъ *sear*, *sera*, *ser*, *siri* (см. *Castrén, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, ср. у Палласа) и по чувашски *šora* (*š* = *ш*). Чувашскій языкъ, отдаленное нарѣчіе турецко-татарскаго языка, равно какъ и самоѣдскій, монгольскій и манджу-тунгузскій языки, принадлежатъ къ особенному татарско-алтайскому племени, которое по методическимъ сравнительно-филологическимъ изслѣдованіямъ не состоитъ въ непосредственномъ родствѣ съ финско-венгерскимъ племенемъ. Современные писатели дѣйствительно говорятъ о *Черной* и *Бѣлой Урѣ*, которыя, какъ повѣствуетъ Несторъ, при жизни Олега, въ разныя времена, проходили мимо Кіева, конечно въ Паннонію. Собственное названіе Венгровъ *Унгаръ*, *Унгуръ* или *Оногуръ* значить *Большая Ура*; по остяцки *ёне*, *ёна* великій, по венгерски *ün* тоже, въ словѣ *ün-per* праздникъ, собственно *великій день*, по вогульски, у Hunfalvy, *jäni* тоже, по зырянски *уна* тоже, и пр. Около Азовскаго моря и около рѣки Дона въ то время поселились *Утигуры*, что значить *Малая Ура*, по вогульски, у Hunfalvy, *oš*, *ošť* малый, тонкій, у Палласа *устъ*, *уц(ва)* малый, по зырянски *ушетъ* тоже, по черемиски *изи* тоже, и пр. *Куцягуры* и *Кутригуры* или *Кутуригуры* по значенію одно и тоже, а именно *Собачья Ура*. *Куцягуръ* названіе собственно угорское, такъ какъ по венгерски *kutya* (читай *кутя*) собака, по зырянски (у Савваптова) *кучи щенокъ*, по вотяцки *kutsja* собака, по мордовски *ку'и* (*куто*), *kiska* тоже, по лопарски, около озера Имандры, *kotsenš* щенокъ, у Терскихъ или Понойскихъ Лопарей *kulse* тоже, по эстонски *kutsikas* тоже, сравн. по латышски *kizga* сука, *kizgens* щенокъ, по русски (см. Областной Словарь) *кутя* собака, *кутенокъ* щенокъ, по осетински *qutš* собака, а *Кутригуръ* отъ нѣмецкаго *köter*, по фински *koira* собака, по звуковымъ законамъ финскаго языка отъ *kotra* (въ финскихъ фамильныхъ названіяхъ еще до сихъ

поръ *Kotro, Kotronen*, напр. въ приходѣ *Puumala*, С. Михельской губерніи въ Финляндіи), по мордовски *kutter(не) шенокъ*. Названіе *Samayr*, очевидно, значитъ сто (100) *Угоръ*, отъ находящагося во всѣхъ финско-венгерскихъ языкахъ слова *sala* сто, по вогульски *šáto*. Встрѣчается еще названіе угорскаго племени *Сабанууры*, извѣстнаго также подъ названіемъ *Сабуры*. Это безъ сомнѣнія остяцкое и черемисское *šabur* родъ армяка, по вогульски *šur* рубаша, по остяцки *löri* родъ армяка, по звуковымъ законамъ остяцкаго языка отъ *sori* или *šori*, по фински, въ нарѣчіи Русскихъ Корель, *sora* рубаша. Слѣдовательно названіе *Сабанууры* значитъ Армячная Ура. Извѣстное названіе *Печеныгъ*, у нерусскихъ писателей *Пацинаки*, безъ сомнѣнія угорское *petšer-jax* сосновые, то есть *сосноволюбные люди*, по остяцки *pitš*, въ нарѣчіяхъ *pintš* сосна, прилагательная форма *pitšer* сосновый (η гортанноносовый звукъ *ng*, въ нѣмецкомъ *enge*), по венгерски *fenyő* (читай *фенё*) ель, по звуковымъ законамъ венгерскаго языка отъ *penő*, по зырянски, у Саввантова, *пожѣм* сосна, по черемиски *puntše* тоже (*y = u*), по мордовски *pitše*, по лопарски *petše*, по фински *petäjä*, по звуковымъ законамъ финскаго языка отъ *petaja*, по эстонски еще до сихъ поръ *pedagas* (*petagas*). Но это слово тоже встрѣчается во всѣхъ концахъ индо-европейскаго племени, и слѣдовательно оно общаго и древне-индо-европейскаго и древне-финско-венгерскаго происхожденія. По санскритски оно *pitu*, по гречески *πίτυς*, по латыни *pinu-s*, по мнѣнію филологовъ отъ *pitnu-s*, по албански *pise*, по литовски *pušis*, по древне-германски *ficta*, *f* по звуковымъ законамъ германскаго языка изъ *p*. Остяцкое слово *jax* мы встрѣтили уже выше въ названіи Остякъ (*As-jax*).

Названію *Печеныгъ* противоположно названіе *Турниахъ**, которое тоже чисто угорское и значитъ степные или буквально травяные люди. По остяцки (у Вологодскаго) *торнъ* трава, по зырянски и вотяцки *turun* тоже; ср. санскритское *trṇa* тоже. Сюда причисляютъ филологи русское *дернъ* и германское *dorn*.

Названіе сына Аттилы, *Денизигъ*, тоже чисто угорское, а именно венгерское *gyengysziga* (читай *дгендь-цига*) буквально жемчужная раковина, нѣмецкое *Perlenmuschel*. Отъ этого венгерскаго слова очевидно произошло русское *жемчугъ*.

Всѣ упомянутые выше угорскіе народы явились, какъ я уже сказалъ, во время переселенія народовъ около Чернаго моря и около Дуная. Тогдашняя настоящая родина Угры, какъ указываютъ названія древне-угорскаго происхожденія мѣстностей и какъ видно изъ приложенной карты, простиралась отъ рѣки Оки на сѣверъ до самаго Ледовитаго моря и отъ сѣверной части Уральскихъ горъ до Финляндіи и даже до сѣверной части Скандинавіи, а въ Россіи до окрестностей озера Ильмена и до источниковъ рѣки Волги, за исключеніемъ «родины Финновъ», то есть области около Онежскаго озера и южной части Ладожскаго, гдѣ нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ окончаніемъ. Самыя важныя и интересныя изъ этихъ названій составляютъ сложныя съ разными чисто-угорскими окончаніями, которыхъ я собралъ болѣе двухъ тысячъ. Объ этихъ изслѣдованіяхъ напечатана мною обширная статья въ журналѣ *Suomi*, издаваемомъ Обществомъ финской литературы**), а краткое ихъ изложеніе находится въ вышеупомянутой статьѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

*) См. Stritteri Memoriae populorum, t. I, pag. 719.

**) II отд. ч. 7 и 8, 1867 и 1869 г.

Чисто финская область, безъ всякой примѣсы угорскихъ названій, занимаетъ, какъ выше сказано и какъ видно на картѣ, только пространство около Онежскаго озера и около южной половины Ладожскаго, и продолжается неширокою полосою до Эстляндіи. На востокъ и юго-востокъ финскія названія не доходятъ до рѣки Онеги и Бѣлаго озера. Граница этихъ названій идетъ на разстояніи двадцати или тридцати верстъ на западъ и сѣверо-западъ отъ упомянутыхъ мѣстностей. На югъ финскія названія не переходятъ дальше города Тихвина, а около Волхова — дальше окрестностей Волховскаго моста Николаевской желѣзной дороги. Отъ рѣки Невы и Финскаго залива на югъ протяженіе этой границы, по древнѣйшимъ источникамъ названій мѣстностей, еще менѣе, а именно только верстъ на двадцать. Я положительно могу сказать, что, кромѣ русской Кареліи, нынѣшней и древней, до меридіана самаго южнаго края Онежской губы въ области угорскихъ названій мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи нѣтъ никакихъ названій финскаго происхожденія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ совершенно отдѣльных и очень необширныхъ пространствъ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, куда Корела переселилась во время междоусобицъ. О Корелѣ, переселившейся въ Архангельскую губернію въ окрестности Архангельска и Холмогоръ и уже давно впрочемъ обрусѣвшей, можно получить подробныя свѣдѣнія въ сочиненіи П. С. Ефименко, подъ заглавіемъ: *Заволоцкая Чудь*.

Въ археологическомъ отношеніи очень важно, что въ предѣлахъ вышеописанной области древнихъ Финновъ, къ югу и юго-востоку отъ Ладожскаго озера и въ нынѣшней Ингерманландіи, преимущественно около рѣкъ, встрѣчается множество «сопокъ» или кургановъ, о которыхъ мы имѣемъ историческія свѣдѣнія, что Чудь древней Водской пятины, или нынѣшней Ингерманландіи и Ладожскаго уѣзда, въ 1534 г. «клала мертвыхъ по курганамъ и по коломицамъ съ ѡрбуями... и къ родильницамъ призываютъ ихъ, и тѣ ѡрбуи младенцамъ имена нарекають своики». Такъ сказано въ посольной грамотѣ архіепископа новгородскаго Макарія (см. въ вышепомянутой книжкѣ Ефименко, стр. 27). Знахари у Ингерманландскихъ Финновъ до сихъ поръ называются *arvoja* (*arvoja*) *ворожея жребіями*. Изъ этого видно, что эти чудскіе курганы древне-языческаго финскаго происхожденія. *Коломице* тоже финское слово *kalmisto* *могилице*, *кладбище*, отъ *kalma* *могила*.

Самыя несомнѣнныя финскія сопки или курганы встрѣчаются въ сѣверной части Тихвинскаго уѣзда, гдѣ Чудь еще до сихъ поръ живетъ и говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, имѣющимъ самый первоначальный типъ изъ всѣхъ финскихъ нарѣчій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я самъ видѣлъ тамъ множество такихъ сопокъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ. Эти сопки овальной формы, вышиною отъ одного до двухъ аршинъ *). Очень важно было бы

*) Послѣ составленія и до отпечатанія этой статьи я имѣлъ случай ближе ознакомиться въ Тихвинскомъ уѣздѣ съ курганами или такъ называемыми «сопками» Тихвинской Чуды; видѣнныя мною тамъ сопки вышиною до двухъ сажень, но между ними, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, есть и такія, вышина которыхъ «съ хоромы». Въ чудскихъ курганахъ встрѣчались черепа короткоголоваго типа; область череповъ длинно-головатаго типа простирается отъ Бѣжеца черезъ Весьегонскій и Устюженскій уѣзды и верстъ на двадцать на юго-востокъ отъ селенія Сомины по устюженско-тихвинскому тракту, за которымъ курганы съ черепами длинно-головатаго типа совершенно исчезаютъ. Эти курганы отдѣляются отъ кургановъ чудской или собственно финской области полосою безъ всякихъ кургановъ, имѣющею въ ширину отъ 75 до 100 верстъ. Область курганныхъ череповъ длинно-головатаго типа около вышепомянутаго тракта приближается почти къ самому краю угорскихъ названій мѣстностей, границы которыхъ нанесены на карту до моего послѣдняго путешествія въ эти мѣста.

собрать сколько возможно точныя свѣдѣнія о распространеніи этихъ сопокъ, равно какъ и разныхъ другихъ кургановъ и древнихъ могилъ, обращая при этомъ вниманіе не только на внѣшній видъ, но и на внутреннее строеніе и на археологическое содержаніе такихъ кургановъ и могилъ. Но важнѣе всего встрѣчающіеся въ курганахъ древніе человѣческіе черепа, которые, какъ извѣстно, служатъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ для опредѣленія національности древнихъ курганныхъ племенъ.

Все это, а преимущественно названія мѣстностей, уже неоспоримо доказали неосновательность мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы во всей средней и сѣверной Россіи встарину жили предки нашихъ собственно такъ называемыхъ Финновъ. Тамъ жилъ гораздо болѣе могущественный народъ Угра, предки нынѣшнихъ Венгровъ, Вогулчей и Остяковъ, которые еще въ историческое время составляли одинъ народъ, говорившій однимъ языкомъ, лишь распадавшимся на разныя, мало различившіяся другъ отъ друга, нарѣчія.

Къ числу ученыхъ, не признающихъ вѣрными моихъ изслѣдованій о названіяхъ нерусскаго происхожденія мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи, принадлежатъ академикъ Шифнеръ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ, высказалъ мнѣніе, что звуковыя законы остяцкаго языка, изложенные Кастреномъ въ его *Ostjakische Sprachlehre* и въ приложенномъ къ этой книгѣ *Wörterverzeichnis* и употребляемые мною доказательствами при моихъ изслѣдованіяхъ о названіяхъ угорскаго происхожденія мѣстностей въ Россіи и Финляндіи, помѣщенныхъ въ журналѣ *Suomi*, «совсѣмъ не существуютъ» («gar nicht existiren») и поддѣланы Кастреномъ «по собственнымъ его теоріямъ» («nach seinen eigenen Theorien»), а что существуетъ въ остяцкомъ языкѣ совершенно противоположная перемѣна звуковъ. Такимъ образомъ моимъ изслѣдованіямъ объ угорскихъ названіяхъ мѣстностей, если принять во вниманіе мнѣніе г. Шифнера, не слѣдовало бы давать никакого значенія, такъ какъ они основаны на этихъ будто бы поддѣланныхъ Кастреномъ звуковыхъ законахъ остяцкаго языка. Но, къ счастью, въ рукописномъ словарѣ остяцкаго языка Вологодскаго встрѣчаются тѣ же перемѣны звуковъ въ тѣхъ-же остяцкихъ словахъ, въ которыхъ онѣ замѣчены и Кастреномъ. Сверхъ того у Вологодскаго въ значительномъ числѣ остяцкихъ словъ, не приведенныхъ Кастреномъ, являются эти же самыя перемѣны звуковъ. Эти звуковыя перемѣны въ остяцкомъ языкѣ состоятъ въ томъ, что *l* почти всегда, а *s* или *š* (*ш*) очень часто, иногда даже *r*, перемѣняются въ *t* или въ *d*, которыя въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ остяцкаго языка произносятся: *t* звукомъ среднимъ между *t* и *l* или *s* и *l*, какъ говоритъ г. Вологодскій въ словарѣ, а *d* такимъ же среднимъ звукомъ между *d* и *l*. Кастрепъ въ своей *Ostjakische Sprachlehre* (см. *Wörterverzeichnis*) приводитъ до шестидесяти примѣровъ, не могущихъ возбудить никакого спора, и нѣсколько менѣе вѣрныхъ на вышеизложенныя звуковыя перемѣны въ остяцкомъ языкѣ. Примѣры сопоставлены Кастреномъ съ родственными словами въ другихъ финско-венгерскихъ, а иногда даже въ нѣкоторыхъ нефинско-венгерскихъ языкахъ, въ которыхъ *l*, *s* и *r* въ такихъ словахъ всегда являются общими, тогда какъ соответствующее этимъ звукамъ *t* въ остяцкомъ языкѣ или остается совершенно частнымъ остяцкимъ или оказывается общимъ только съ другими угорскими языками, то есть съ вогулскимъ и венгерскимъ. Притомъ *t* обыкновенно въ вогулскомъ, а часто и въ венгерскомъ языкѣ перемѣняется въ *l*, а еще чаще въ последнемъ языкѣ оно исчезаетъ безъ всякой

замѣны какимъ-нибудь другимъ звукомъ. Эти звуковые законы во всѣхъ трехъ угорскихъ языкахъ признаны венгерскими и другими учеными, писавшими о нихъ, и притомъ подтверждены довольно многочисленными примѣрами (напр. въ написанной на финскомъ языкѣ диссертациі Бломстедта *Halotti beszéd, ynnä sen johdosta vertailevia tulkimuksia Unkarin, Suomen ja Lapin kielessä*, стр. 109; у Буденца *A' magyar és finn-ugor nyelvekbeli szóegyeselek*; во многихъ мѣстахъ у Гунфальви (*Hunfalvy*), *Reguly Hagymányai*. См. еще примѣчаніе подъ знакомъ **) въ моемъ *Zahlwörtertablelle I*, подъ заглавіемъ: *Die Stammverwandschaft der meisten Sprachen der alten und australischen Welt*).

Г. Шифнеръ напротивъ утверждаетъ, что въ остяцкомъ языкѣ звукъ *t* переходитъ въ *s* и что такую перемѣну звуковъ онъ будто бы замѣтилъ въ рукописномъ словарѣ кондинско-остяцкаго нарѣчія, составленномъ Поповымъ; но въ подтвержденіе этого мнѣнія нельзя найти ни одного примѣра ни у Кастрена, ни въ словарѣ Вологодскаго. Въ вогульскомъ и венгерскомъ языкахъ дѣйствительно существуетъ вышесказанный переходъ звука *t* въ *l*, но это нисколько не мѣшаетъ указанной Кастреномъ перемѣнѣ *l* въ *t* въ остяцкомъ языкѣ.

Господство этихъ звуковыхъ законовъ во всѣхъ трехъ угорскихъ языкахъ явно доказываетъ, что эти законы существовали уже въ древнемъ нераздѣльномъ угорскомъ языкѣ. И дѣйствительно эти перемѣны встрѣчаются въ древнихъ угорскихъ названіяхъ мѣстностей по всей ихъ области въ средней и сѣверной Россіи. Главнымъ и важнѣйшимъ доказательствомъ этому служить остяцкое слово *taget*, по вогульски *taut* и *tait*, въ нарѣчіи южныхъ Вогуличей въ прежнія времена *tagil*, по вышепомянутому звуковому закону вогульскаго языка, съ перемѣною *t* въ *l*, отъ *tagit*. Это остяцко-вогульское *tagit* значитъ собственно *рукавъ*, но употребляется и въ значеніи *притокъ рѣки*, напримѣръ въ названіи рѣки *Танил*, при которой лежатъ извѣстные *Нижне-Танискіе* заводы.

Слово *taget* именно принадлежитъ къ числу тѣхъ остяцко-вогульскихъ словъ, въ которыхъ *t* произошло изъ первоначальнаго *s* или *š*. Первоначальная форма этого слова есть *šages*. Это доказывается тѣмъ, что въ черемисскомъ языкѣ *рукавъ* называется *šokš*, въ зырянскомъ *soš* и въ вотяцкомъ нарѣчіи этого языка *sajas*, отъ *sagas*, какъ доказываютъ только что упомянутыя формы этого слова въ остяцкомъ, вогульскомъ и черемисскомъ языкахъ. Въ лопарскомъ языкѣ слово это имѣетъ форму *sasse* отъ *sakse*, а въ финскомъ языкѣ, по звуковымъ его законамъ, совершенно правильно *hiha*, съ очень обыкновенною въ этомъ языкѣ перемѣною *s* въ *h* и короткаго лопарскаго *a* въ *i*. Мордовскій языкъ очень близокъ къ финскому, и потому мордовское слово *ога рукавъ*, отъ *hoga*, уже на половину имѣетъ финскую форму, вслѣдствіе перемѣны еще только перваго *s* въ *h*. Въ одномъ только венгерскомъ языкѣ слово это, *uj*, встрѣчается до такой степени въ искаженномъ видѣ, что его съ помощію извѣстныхъ венгерскихъ звуковыхъ законовъ едва возможно признать происшедшимъ отъ одного корня съ вышепомянутыми вогульскими и остяцкими формами этого слова. Уже выше было сказано, что *t*, происшедшее отъ *s*, въ венгерскомъ языкѣ часто совершенно исчезаетъ безъ всякой замѣны какою-либо новою буквою. Такъ случилось и здѣсь. Основная форма венгерскаго *ui* (*uij*) конечно была *tuiit*, сократившаяся въ *tuit*, отъ котораго правильно образовано *ui*. *Ui* въ венгерскомъ языкѣ еще означаетъ *палецъ*, но это слово совершенно другаго происхожденія, хотя также передѣлано съ устраненіемъ звука *t*. Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ о *рукавъ*

Венгерцы обыкновенно говорят *ruha ui*, то есть *ui одежды*. О *пальц* также часто говорят *kez ui*, то есть *ui руки*.

Все эти особенныя угорскія формы приведеннаго здѣсь слова *šages* и звуковыя законы, касающіеся ихъ, нужно непременно знать, чтобы объяснить разныя формы окончанія угорскихъ названій рѣкъ, которое въ этихъ названіяхъ встрѣчается почти по всей области угорскихъ мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи. Сюда принадлежатъ: общеизвѣстное названіе главнаго притока Сѣверной Двины *Выгедда*, названія рѣкъ: *Печедда*, *Рочедда*, *Жижедда*, *Вожедда*, *Волода*, названіе рѣки и лежащаго при ней города, *Судодда*, тоже названіе рѣки и города въ Владимірской губерніи, и названія рѣкъ: *Турлолохта*, *Солохта*, *Силехта*, *Телехта*, *Солокша*, *Колокша*, *Кидекша*, *Выжекша*, *Нерехта*, *Обохта*, *Шомохта*, *Тумохта* и т. д.

Названіе *Выгедда*, или вѣрнѣе *Вытшедда*, — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ угорскихъ названій мѣстностей въ Россіи, которое заслуживаетъ болѣе подробнаго объясненія. Это — остяцкое *uigt-šaget*, или въ сокращенномъ видѣ *uit-šaget*, *луговой притокъ* или буквально *луг-рукавъ*. Доказательствомъ вѣрности этого объясненія служитъ зырянское названіе рѣки Выгегды. Зыряне, живущіе нынѣ около верхняго теченія этой рѣки, зовутъ ее *Эжса луоеа*, или вѣрнѣе *дерновая рѣка*, или буквально *вода*. Ясно, что это прямой переводъ древне-угорскаго *uigt-šaget*, только съ употребленіемъ обыкновеннаго у Зырянъ въ названіяхъ рѣкъ окончанія *ea*. Въ послѣдней половинѣ названія *uigt-šaget* первоначальное *š* въ началѣ слова еще сохранено, то есть оно еще не перешло въ *t*, но въ концѣ слова эта перемѣна уже произошла, такъ какъ первоначальная форма его, какъ выше сказано, была *šages*. Вслѣдствіе вліянія русскаго языка *t* въ *šaget* смягчено въ *đ* въ формѣ — *шедда*, въ согласіе съ мягкимъ *g* (*đ*), когда русскіе къ этому слову приставили женское окончаніе *a*, и вслѣдствіи того устранили *e* изъ послѣдняго слога слова *šaget*. Еще пужно прибавить, что *a* въ первомъ слогѣ слова *šaget* также отъ вліянія русскаго выговора въ формѣ — *шедда* перешло въ *e*, такъ какъ послѣ шипящихъ *a* въ русскомъ языкѣ перемѣняется въ *e*.

Въ рукописномъ атласѣ Архангельской губерніи Монакова въ восточной части Онежскаго уѣзда показана еще другая маленькая рѣчка съ названіемъ *Выгедда*. И замѣчательно здѣсь то, что эта рѣчка *Выгедда* соединяется съ рѣчкою, которая носитъ названіе *Вычура*, вѣрнѣе *Вытшюра*, слѣдовательно съ тѣмъ же первымъ членомъ *выт-*, но съ новымъ окончаніемъ *-шюра*, отъ остяцкаго *šur* (*сюр*) *ручей*, по вотяцки *šur* (*шур*) *рѣка*, по зырянски *šor* тоже. *Вычура* впадаетъ въ рѣку *Кодьму*, притокъ рѣки Онеги съ востока. Окончаніе *šur* въ формахъ *-сара*, *-сора*, *-шера*, *-шюра*, *-шюра* и пр. встрѣчается въ значительномъ числѣ названій рѣкъ отъ *Коширы*, то есть *Kos-šur сѣл-рѣка*, *слоная рѣка*, въ Тульской губерніи, до самаго сѣвера. Особенно ихъ много въ Бѣлозерскомъ краѣ. Названіе *Вычура* такимъ образомъ произошло отъ остяцкаго сложнаго слова *uigt- (uit-) -šur луговой ручей*. Остяцкое слово *uigt* (*uigt*) *лугъ* встрѣчается у Кастрена, у Паласа *uigūt*, а сокращенная форма *uit* (*uit*) у Вологодскаго въ остяцкомъ названіи города Обдорска Пу́травытѣ, собственно *кранионный лу́г* (у Вологодскаго *л'* знакъ остяцкаго звука средняго между *с* и *а*, о которомъ выше уже была рѣчь). Ср. зырянское *vidžj лу́г*, у Савваптова.

Названіе рѣки *Печедда* тоже довольно замѣчательно. Печегдъ въ Ярославской губерніи три въ разныхъ мѣстахъ (см. *Списки населенныхъ мѣстъ* этой губерніи), четвертая

Пёчегда встрѣчается въ Владимірской губерніи недалеко отъ ея границы съ Ярославскою и пя-
тая въ Тверской губерніи близъ города Калязина. Это—очевидно остяцкое *petš-šaget sosna*
рукавъ или *сосновый рукавъ*, т. е. *притокъ*. Остяцкое слово *pitš sosna* уже выше было объ-
яснено. Оно, впрочемъ, встрѣчается еще во многихъ другихъ древне-угорскихъ назва-
ніяхъ въ средней и сѣверной Россіи. Рѣкъ съ названіемъ *Печена*, по остяцки буквально
по *сосновая*, я знаю четырнадцать въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи и пятнадца-
тую въ сѣверо-западной Финляндіи. Рѣкъ съ названіемъ *Печура*, по остяцки *petš-juga sosna*
рука, мнѣ извѣстно въ сѣверной и средней Россіи до шести. Въ Владимірской губерніи
есть еще названіе *Печура*, по остяцки *сосна оврагъ*. Не удивительно, что угорское слово,
имѣющее значеніе *сосны*, такъ часто входило въ составъ названій мѣстностей въ древне-
угорской области въ средней и сѣверной Россіи, такъ какъ *сосна* у насъ на сѣверѣ самое
обыкновенное дерево и для народовъ древнихъ временъ составляла предметъ самой первой
во многихъ отношеніяхъ важности.

Въ названіяхъ рѣкъ: *Вологда*, *Илгода*, *Турполохта*, *Солохта*, *Силехта*, *Телехта*,
Солокша, *Колокша*, *Мококша* и пр. первое *t* въ окончаніи *taget*, по изложеннымъ звуко-
вымъ законамъ угорскихъ языковъ, уже превратилось въ *l*, хотя въ извѣстныхъ до
сихъ-поръ формахъ этого слова въ нынѣшнихъ угорскихъ языкахъ такой перемѣны
перваго *t* нѣтъ. Но вышеуказанный средній между *t* и *l* звукъ, конечно, встрѣчается
и въ этомъ словѣ въ остяцкой формѣ сургутскаго нарѣчія *taŋet* у Кастрена, собственно
названіе рѣки Иртыша (сравни *Hunfalvy*); русскимъ народомъ этотъ звукъ не можетъ и
никогда не могъ быть выговоренъ иначе, какъ только чистымъ *l* (*л*), какъ это видно изъ
вышеприведенныхъ примѣровъ, и при томъ всѣ писатели, не получившіе нужныхъ для
того наставленій, всегда пишутъ этотъ звукъ въ остяцкихъ словахъ и названіяхъ обык-
новенною буквою *л*. Такимъ образомъ очень можетъ быть, что *л* и въ вышеупомянутыхъ
окончаніяхъ у древней Угры имѣлъ описанный Вологодскимъ звукъ *л'*.

Еще нужно сказать, что *ш* въ послѣднемъ слогѣ названій *Солокша*, *Колокша*, *Мо-
кокша*, *Кидекша*, *Выжекша* и пр. болѣе древняго происхожденія, нежели соотвѣтствующія
т и *д* въ другихъ названіяхъ, такъ какъ *т* и *д* здѣсь произошли изъ *с* или *š*. Въ угор-
скомъ названіи извѣстнаго притока Волги, *Шексны*, у Герберштейна *Шоксна* («*Schoxna*»),
буквально *рукавная*, отъ *šoks* или *šaks* *рукавъ*, въ значеніи *притокъ*, мы имѣемъ остяцко-
вогульское слово *taget* почти въ самомъ первоначальномъ угорскомъ его видѣ *šages*. Окон-
чаніе *-на* въ *Шоксна* безъ сомнѣнія первоначально было *-ŋа*, съ гортанно-носовымъ зву-
комъ *ŋ*; ср. вышеупомянутое пул'ŋа. Окончаніе *-ŋа* одно и тоже съ болѣе общимъ остяцко-
вогульскимъ его видомъ *-еŋ*.

Еще требуетъ объясненія гласная *е*, которую мы находимъ въ названіяхъ *Силехта*,
Телехта и др. (см. *Судоходный дорожникъ Тихвинской системы*). Это *е* здѣсь служить дока-
зательствомъ того, что финско-венгерское созвучіе гласныхъ уже существовало въ древне-
угорскомъ языкѣ, даже въ видѣ собственно-венгерскихъ его особенностей. Это созвучіе —
фонетическое правило, вслѣдствіе котораго твердыя гласныя буквы *а*, *о*, *и* въ нѣкоторыхъ
финско-венгерскихъ языкахъ, какъ наприм. въ финскомъ и венгерскомъ, въ окончаніяхъ
всегда слѣдуютъ за твердыми, а мягкія *ä* (въ венгерскомъ *e*), *ö*, *ü*, по фински *y* =
венгерскому *ü*, за мягкими. Но въ венгерскомъ языкѣ это встрѣчается не въ однихъ

только окончанійхъ, но и въ сложныхъ словахъ, какъ напр. въ вышепомянутомъ *inner*, въ которомъ *per den* образовалось изъ *par*, такъ какъ въ предыдущемъ слогѣ *in* гласная буква *i* мягкая. Та же самая венгерская особенность въ языкѣ является и въ вышеприведенныхъ древне-угорскихъ названіяхъ *Sülexta* и *Telexta*.

Такимъ образомъ мы уже познакомились съ четырьмя древне-угорскими окончаніями, употребляемыми въ названіяхъ мѣстностей средней и сѣверной Россіи, а именно съ окончаніями *-laget*, *-enga*, *-juga* и *-kura*. До сихъ поръ мнѣ извѣстно до тридцати шести разныхъ окончаній угорскаго происхожденія, изъ которыхъ каждое встрѣчается въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ названій. Разные примѣры угорскихъ названій съ отличающимися ихъ окончаніями я уже имѣлъ случай сообщить въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Даже и тѣ окончанія, о которыхъ я еще во время сочиненія упомянутой моей статьи думалъ, что онѣ зырянскаго происхожденія, оказались въ послѣднее время всѣ угорскими. Для объясненія угорскихъ названій мѣстностей, мнѣ исключительно служили основаніемъ звуковыя законы остяцкаго языка, замѣченные Кастреномъ. Сверхъ того, только вліяніемъ русскихъ звуковыхъ и лингвистическихъ законовъ въ Россіи и финскихъ въ Финляндіи объясняются въ этихъ угорскихъ названіяхъ и въ ихъ окончаніяхъ иногда незначительныя отклоненія отъ чисто угорскихъ формъ. Мои послѣднія изслѣдованія еще болѣе меня убѣдили, что г. Шифнеръ никогда и никакими методическими доказательствами не въ состояніи будетъ подкрѣпить свое мнѣніе о томъ, что мои изслѣдованія о названіяхъ угорскаго происхожденія мѣстностей дѣйствительно невяѣрны и что такимъ образомъ въ дорусскія времена не Угра, а настоящіе Финны жили въ средней и сѣверной Россіи и оставили тамъ свои дорусскіе курганы и названія мѣстностей. Но въ тѣхъ мѣстахъ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ ни одного названія собственно финскаго происхожденія, между тѣмъ какъ чисто угорскія сложныя названія мѣстностей съ многоразличными конечными словами, которыхъ значеніе объясняется только изъ угорскаго языка, встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ не только въ упомянутыхъ частяхъ нынѣшней Россіи, но и во всей Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи. *Слѣдовательно не Финны вытѣснены Русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но Венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію*, чтобы «овладѣть наслѣдствомъ короля Аттилы, прадѣда Альмуса, главнаго ихъ воеводы на походѣ съ сѣвера». Впрочемъ угорскіе народы уже во время монгольскихъ Хунновъ стали переселяться къ берегамъ Чернаго моря и въ Паннонію. Еще въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Герберштейнъ «около Шоксны», какъ онъ пишетъ, «я Мологи засталъ народъ, говорившій кромѣ русскаго и своимъ особеннымъ языкомъ». А такъ какъ нигдѣ не встрѣчается такъ много чисто угорскихъ названій, какъ около нижняго теченія Мологи и еще болѣе около Шексны и всего Бѣлоозера, то я въ 1868 году предпринялъ путешествіе въ тѣ мѣста съ цѣлю дополнить свои изслѣдованія о тамошнихъ названіяхъ мѣстностей. На основаніи этихъ моихъ изслѣдованій, я рѣшительно могу сказать, что тамошній народъ, о которомъ упоминаетъ Герберштейнъ, говорилъ въ его время еще настоящимъ угорскимъ языкомъ. Собственно финскихъ названій около Мологи и Шексны и около всего Бѣлоозера нѣтъ, точно такъ же какъ нѣтъ тамъ Корель Тверской и Новгородской губерній, которые и въ другія мѣста тѣхъ губерній переселились изъ Русской Карелии (сѣверо-западной части Олонецкой губерніи) не раньше начала семнадцатаго сто-

лѣтія, что окончательно подтверждается почти совершеннымъ сходствомъ ихъ финскаго нарѣчія съ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ жители Русской Кареліи. Основываясь на названіяхъ мѣстностей, я даже могу утверждать, что въ окрестностяхъ Мологи и Шексы и преимущественно Бѣлоозера нарѣчіе Угры стояло ближе всѣхъ другихъ къ языку венгерскому, точно такъ же какъ я имѣю въ рукахъ явнія доказательства тому, что угорское нарѣчіе, существовавшее въ древнія времена около Ветлуги и рѣки Юга, стояло ближе всѣхъ къ языку нынѣшнихъ Вогуличей и что нарѣчіе Важской Чуды въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, такимъ же образомъ стояло ближе всѣхъ къ языку нынѣшнихъ Остяковъ. Разница между этими нарѣчіями въ старину была очень незначительна, что доказывается не только названіями мѣстностей, но и тѣмъ, что въ 1237 году венгерскій монахъ Юліанъ, путешествуя съ юга вверхъ по Волгѣ, около нынѣшней Казани встрѣтилъ народъ, говорившій совершенно понятнымъ ему венгерскимъ нарѣчіемъ.

Все это, хотя и изложенное въ очень краткихъ чертахъ, я надѣюсь послужитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что на сѣверѣ Россіи, отъ Ледовитаго моря до рѣки Оки, въ дорусскія времена жительствовадь могущественный и, по словамъ Анонима Бела, равно какъ и по всѣмъ другимъ признакамъ, очень многочисленный народъ. Часть страны, занимаемой этимъ народомъ, была *Великая Перемь (Пермь)* русскихъ лѣтописей, *Beormas* (читай *Biormas*) славнаго англо-саксонскаго мореплавателя Оттера, жившаго во времена англійскаго короля Альфреда Великаго, и *Biarmaland* исландскихъ сагъ. Въ *Hervararsaga*, *Gaungu Rolf's saga* и др. находится обширное описаніе этой земли подъ названіемъ «*Jotunheim*», то есть земли *Ютуновъ*, по нѣмцки *Jotunenheimath*, лежащей около рѣки «*Vind*» (читай *Büno*), то есть Двины, по фински *Vienan joki* (читай *Vienan-joki*), къ югу отъ «*Gandvik*». *Gandvik* — извѣстное исландское названіе Бѣлаго моря, происходящее отъ финскаго *Kandalakši*; этимъ послѣднимъ именемъ нынѣ собственно называется сѣверо-западная губа Бѣлаго моря. Ранѣе сѣверная часть Скандинавіи, а также и Финляндіи въ сагахъ носили названія *Jotunheim* и *Jotland*, что одно и то же, и скандинавскіе короли имѣли много дѣла съ могущественными Ютунами, съ дочерьми королевъ которыхъ они часто вступали въ бракъ. При описаніи Двинскаго *Jotunheim'a* въ вышеназванныхъ сагахъ упоминаются тамошніе короли и войны ихъ, напримѣръ съ «*Tyrkjar*» и «*Asiamenn*», то есть съ Турками и Азіятами. Даже встрѣчается описаніе похода ихъ на *Harvadafjöll*, то есть на Карпатскія или Хорватскія горы, очевидно похода Альмуса съ Венграми въ Паннонію (см. *Rasn, Antiquités russes, t. I, стр. 192—3*).

Однимъ словомъ, намъ теперь открывается до сихъ поръ почти совершенно забытое, сильное государство, господствовавшее нѣкогда на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера и оставившее намъ богатый матеріалъ археологическихъ данныхъ въ безчисленныхъ курганахъ, городищахъ, каменныхъ грудахъ и т. д. Археологическія изслѣдованія всей этой области вѣроятно въ скоромъ времени сдѣлають эти данныя достояніемъ науки, покажутъ древне-историческую связь между Россією, Финляндією, Скандинавією и Венгрією и возбудятъ живѣйшій интересъ всей Европы и всего просвѣщеннаго міра.

Списокъ 36-ти угорскимъ окончаніямъ названій мѣстностей въ средней и сѣверной Россіи и въ Финляндіи.

- 1) *-бахта, -бохта, -пахта* = *юрка, бугорокъ*.
- 2) *-болъ, -бола, -бала, -бой* = *рѣка*.
- 3) *-вазъ, -везъ, -ватъ*, въ Финляндіи *-ва, -иа* = *вода, рѣка*.
- 4) *-вора, -вера* = *мѣсъ*.
- 5) *-гумусъ* = *холмъ, бугоръ*.
- 6) *-далъ, -долъ, -тала* = *источникъ, верховье рѣки*.
- 7) *-домъ (домбъ)* = *гора, холмъ*.
- 8) *-доръ, -деръ, -дра, -тыръ*, въ Финляндіи *-tiira, -tiera, -tuori*, въ Лапландіи *-tero* = *озеро*.
- 9) *-ениа, -она, -ана*, въ Финляндіи *-nki* = окончаніе *-et* = *-eng* прилагательныхъ въ остяцкомъ и вогульскомъ языкахъ.
- 10) *-шеръ, -огеръ, -ора*, въ Архангельской губ. *-ора, -ура*, отъ *-ора, -ура*, въ Бѣлозерскомъ краю *-яръ, -яръ, -аръ*, въ Финляндіи *-eri* = *озеро*.
- 11) *-калъ, -колъ, -кола* = *деревня, собственно домъ*.
- 12) *-канда, -конда* = *порогъ* въ рѣкѣ.
- 13) *-кура* = *оврагъ*.
- 14) *-куръ* = *протокъ*, также *притокъ* рѣки.
- 15) *-ленда*, въ названіяхъ деревень, лежащихъ на горахъ около Бѣлоозера.
- 16) *-лойда* = *скатъ горы*.
- 17) *-лохта* = *бухточка, заливъ*.
- 18) *-ма*, окончаніе отвлеченныхъ словъ въ угорскихъ языкахъ.
- 19) *-маръ, -меръ, -меря* = *гора*.
- 20) *-марда* = *межа, мѣра земли*.
- 21) *-матка* = *открытое поле*.
- 22) *-мена, -мина*, часто встрѣчающееся окончаніе еще неизвѣстнаго значенія.
- 23) *-мола* = *крутой берегъ, собственно крутъ*.
- 24) *-нема* = *мысъ*.
- 25) *-норъ*, около рѣки Юга *-нолъ*, съ переменною *p* въ *m*, а наконецъ въ *l*, по звуковымъ законамъ вогульского языка = *мысъ, собственно носъ*.
- 26) *-налда, -нелда, -наль, -нелъ, -нолъ* = *пашня, поле*.
- 27) *-постъ*, около рѣки Ветлуги *-бася*, съ переменною *m* въ *l*, по звуковымъ правиламъ вогульского языка = *протокъ* или *рукавъ рѣки*, у Кастрена по остяцки *past*, у Hunfalvy по вогульски *pasel*, на картѣ Регули (*Karte über das Land der Ostjaken und Wogulen*) *pasl*.
- 28) *-пура*, въ Финляндіи *-porha* = *порогъ* въ рѣкѣ.
- 29) *-ранда* = *берегъ*. Слово извѣстное въ финскомъ и лопарскомъ языкахъ; полная его форма у русскихъ Лопарей. Оно происходитъ отъ германо-скандинавскаго *strand*, но встрѣчается въ древне-угорской области, напр. около Сѣверной Двины, у Холмогоръ, въ чисто угорскихъ сложныхъ словахъ, слѣдовательно существовало и въ древне-угорскомъ языкѣ.

- 30) -рома = плесо, собственно *тишина* въ теченіи рѣки.
 31) -сара, -сора, -шера, -шира, -шура = *рѣка, рѣчка*.
 32) -да, въ Финляндіи -*ta*, -*to*, -*ti*, -*tē* = *озеро*.
 33) -тома, -тимъ, по вогульскимъ звуковымъ законамъ -*лома*, въ Финляндіи -*tima* = *озеро*.
 34) -шегда, -жегда, -дѣгда, -логда, -ложта, -лехта, -охта, въ болѣе чистыхъ и древнихъ формахъ -*жекша*, -*декша*, -*лекша*, -*локша* = *притокъ*, собственно *рукавъ*.
 35) -та, -са, (-*iea*), -*яа*, -*оа*, -*уа*, въ Финляндіи -*жаа*, -*ја*, -*іа*, -*іо* = *рѣка*.
 36) -яна = *болото*.

Дополненіе къ статьѣ: «Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи и пр.».

Г. Адьквистъ, профессоръ финскаго языка при гельсингфорскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ С.-Петербургскаго Археологическаго съѣзда, въ первомъ выпускѣ своего, на финскомъ языкѣ издаваемаго, журнала *Kieletär*, высказалъ мнѣніе, что въ средней Россіи, равно какъ и вездѣ около Бѣлаго моря и даже около Бѣлоозера, въ дорусскія времена жили собственно такъ называемые Финны и что результаты моихъ изслѣдованій о дорусскихъ жителяхъ средней и сѣверной Россіи невѣрны, равно какъ и мое положеніе, что «не Финны вытѣснены Русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но Венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію». На мой вопросъ, обращенные къ г. Адьквисту въ гельсингфорскихъ вѣдомостяхъ *Finlands Allmänna Tidning* и *Morgonbladet*, относительно этого мнѣнія и на мою просьбу привести противъ моихъ тридцати шести окончаній угорскихъ названій мѣстностей, еще ранѣе съѣзда сообщенныхъ Финскому Археологическому Обществу, хотя три названія мѣстностей съ финскимъ окончаніемъ изъ средней Россіи и изъ окрестностей Бѣлоозера, онъ въ тѣхъ же вѣдомостяхъ отвѣчалъ, что его мнѣніе основано на мнѣніяхъ, высказанныхъ Кастреномъ въ *Ethnologische Vorlesungen*, Шёгреномъ въ сочиненіи *Ueber die Jämen* и Миллеромъ въ *Der Ugrische Volkstamm*.

Но каждый читатель легко самъ можетъ убѣдиться, что названные ученые ни слова не говорили о жительствѣ собственно такъ называемыхъ Финновъ въ средней Россіи. Шёгрень въ приведенномъ г. Адьквистомъ мѣстѣ даже не говоритъ о прежнихъ жителяхъ средней Россіи; Кастрень, въ *лекціи о Финнахъ*, на основаніи имѣвшихся объ этомъ вопросѣ при жизни его свѣдѣній, только сказалъ, что «въ средней Россіи, какъ это доказываютъ названія перусскаго происхожденія мѣстностей, по его мнѣнію («*Vermuthung*») жили *финскіе народы*», то есть *финско-венгерскіе народы* вообще, къ которымъ принадлежатъ Венгры и собственно такъ называемые Финны и принадлежала древняя Угра. Миллеръ же въ приведенномъ г. Адьквистомъ мѣстѣ выразился еще болѣе обще, именно, что «*курганы, встрѣчающіеся въ средней Россіи отъ Сибири до Валдая, по его мнѣнію принадлежатъ финскому племени*», то есть *финско-венгерскому*.

Шёгрень полагалъ, что въ окрестностяхъ Бѣлоозера и вообще въ сѣверной Россіи въ дорусскія времена жили Финны; тоже думалъ и Кастрень. На основаніи названій, близко подходящихъ къ финскимъ, я самъ до 1868 года былъ того мнѣнія, что въ вышепомянутыхъ

частяхъ Россіи, кромѣ Угры, жили также собственно такъ называемые Финны. Но, получивъ вскорѣ послѣ того болѣе полныя свѣдѣнія о названіяхъ нерусскаго происхожденія мѣстностей въ этихъ мѣстахъ, я рѣшительно убѣдился, что въ Бѣлозерскомъ краѣ, кромѣ сѣверо-западной окраины Бѣлозерскаго уѣзда, нѣтъ ни одного финскаго названія, но есть сотни угорскихъ, и притомъ не менѣе двадцати разныхъ окончаній, изъ которыхъ каждое имѣетъ определенное древне-угорское значеніе. При этомъ нѣкоторые окончанія на сѣверѣ Россіи, о которыхъ Кастрень и я раньше думали, что они финскаго происхожденія, при болѣе значительномъ числѣ названій оказались общюю принадлежностью финскаго и угорскаго языковъ, и должны быть также угорскаго происхожденія, такъ какъ эти окончанія встрѣчаются сложенными съ различными угорскими первыми членами. Такимъ образомъ нѣмое собственное прежнее мнѣніе, ни мнѣнія другихъ ученыхъ не могутъ служить доказательствомъ невѣрности нынѣшняго моего мнѣнія о томъ, что въ вышепомнянутыхъ частяхъ Россіи въ дорусскія времена жила одна Угра, безъ всякой примѣси Финновъ. Слѣдовательно г. Альквистъ ничѣмъ не доказалъ, что собственно такъ называемые Финны въ дорусскія времена занимали или заселяли всю среднюю и сѣверную Россію. Да и мнѣніе, что Финны и вообще все финско-венгерское племя нѣкогда вышли будто бы съ Алтая, не можетъ быть точно доказано. Въ то время, когда изслѣдованія о названіяхъ финско-венгерскаго происхожденія мѣстностей только что еще начинались, Кастрень, конечно, былъ того мнѣнія, что татарское названіе Енисея, Кемъ, и названія другихъ сибирскихъ рѣкъ: Симъ, Іа и Уа одного происхожденія съ названіями рѣкъ въ сѣверной Финляндіи: Kemi, Simo и Ti-joki, и съ финскимъ словомъ *oja* ручей, у Тихвинской Чуди и по эстски тоже. Но мы знаемъ, что названія Kemi, Simo и Ti сами не финскаго происхожденія. Выдумка прежнихъ финскихъ лексикографовъ, что Kemi будто бы значить (крутой) берегъ, не подтверждается жителями около самой рѣки Kemi. Кромѣ того мы находимъ рѣки съ этимъ же названіемъ далеко среди чисто-угорской области. Такъ въ сѣверной части Костромской губерніи протекаетъ рѣка, имѣющая названіе Кема. Вторая рѣка того же названія протекаетъ около Вышняго Волочка, а третья съ сѣверо-запада впадаетъ въ Бѣлоозеро. Даже слово *oja* вовсе не древняго происхожденія, такъ какъ оно находится въ одномъ только финскомъ языкѣ и въ его нарѣчіяхъ. Оно заимствовано изъ германско-скандинавскаго языка, въ которомъ встрѣчается въ формахъ *āa* (читай *ōa*), *aa*, *au*, въ древне-германскомъ *ahva*, по звуковымъ законамъ отъ индо-европейской первоначальной формы *akva voda*.

Эти приведенныя Кастренемъ названія слѣдовательно никакъ не доказываютъ, что Финны пришли съ Алтая. На самыхъ подробныхъ картахъ и въ другихъ источникахъ невозможно отыскать около Алтая никакихъ явно финско-венгерскихъ названій мѣстностей. Названіе Селенга чисто тунгусское *selenga-birä* желъзо - (желъзнъя) рѣка (см. *Ritters Erdbeschreibung*). Другихъ научныхъ доказательствъ въ пользу мнѣнія, что Финны или вообще финско-венгерскіе народы пришли съ Алтая, тоже не найдено и безъ сомнѣнія нѣкогда не будетъ найдено, такъ какъ извѣстный древне-историческій центръ финско-венгерскихъ народовъ не на востокѣ, а на западѣ. Угра, какъ выше сказано, жила встарину на западѣ. Мордва, самые близкіе родственники Финновъ, раньше непремѣнно жили на западѣ, что, между прочимъ, доказываетъ многочисленность литовскихъ словъ въ ихъ языкѣ. Черемисскій языкъ также западнаго происхожденія, такъ

какъ онъ близокъ къ лопарскому; сравни лопарское *lokke* 10 и черемисское *lua* тоже. Одни Зыряне съ Вотяками встарину жили на юго-востокѣ, около Алановъ, одноплеменныхъ съ нынѣшними Осетинцами, изъ языка которыхъ Зыряне заимствовали большую часть своихъ культурныхъ словъ, напр. названія металловъ, хлѣбныхъ растений и пр.

Вопросъ, какимъ путемъ финско-венгерское племя переходило на сѣверъ, можно опредѣлить преимущественно посредствомъ археологическихъ изслѣдованій.

По курганнымъ раскопкамъ, произведеннымъ въ послѣднее время, доказано, что въ Московской, Владимірской, Ярославской и Тверской губерніяхъ въ дорусское время, и какъ показываютъ найденныя въ курганахъ монеты еще въ одиннадцатомъ столѣтіи, жилъ народъ съ чисто африканскими длинноголовыми и длинночелюстными (долихоцефальными и прогнатическими) черепами. О курганныхъ черепахъ Московской и западной части Ярославской губерній напечатаны очень подробныя свѣдѣнія въ сочиненіи профессора Богданова: «*Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губерніи*». Около двухъ третей найденныхъ здѣсь череповъ, числомъ болѣе двухъ сотъ, оказались длинноголовыми. Описаніе курганныхъ раскопокъ древне-угорской области въ Владимірской губерніи и въ южной части Ярославской мы имѣемъ въ *Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869*, въ статьѣ графа Уварова: *Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ*. Въ этой статьѣ изъ многочисленной коллекціи древнихъ курганныхъ череповъ крانیологически описаны, къ сожалѣнію, всего только четыре, которые и оказались длинноголовыми. Въ 1872 году г. Аспелитъ и послѣ него я около погоста Бѣжецъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ 10 верстахъ на сѣверо-западъ отъ города Бѣжецка, производили раскопки кургановъ, въ которыхъ найдены были тоже длинноголовые черепа. Изъ этихъ череповъ четыре крانیологически, по методу Велькера, измѣрены и опредѣлены профессоромъ Медицинской Академіи въ С.-Петербургѣ Л. К. Ивановскимъ. Сообщу здѣсь такъ называемыя *indices*, или отношеніе длины къ ширинѣ, этихъ бѣжецкихъ череповъ. Они слѣдующія: 1) 100:66; 2) 100:73; 3) 100:76 и 4) тоже 100:76. Для сравненія съ этими цифрами могутъ служить *index* нынѣшнихъ великорусскихъ 100:82 и *index* шведскихъ череповъ 100:77,₁₈.

Болѣе подробное описаніе этихъ моихъ раскопокъ напечатано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (въ декабрьской книжкѣ 1872 года), въ статьѣ подъ заглавіемъ: *О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи*. Въ этихъ курганахъ найдены были тѣ же бронзовые бубенчики, которые преимущественно характеризуютъ курганныя находки въ Московской, Владимірской и Ярославской губерніяхъ, тѣ же бронзовыя пряжки, цѣпочки и сережки, тѣ же желѣзные дожки, тѣ же бусы, тѣ же глиняные горшки. На груди одного изъ скелетовъ найдена была древнегерманская монета императора Генриха III, царствовавшего съ 1039 по 1056 г. Въ статьѣ графа Уварова: *Меряне и ихъ бытъ* описано множество монетъ, найденныхъ въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерній и относящихся къ срединѣ и ко второй половинѣ одиннадцатаго столѣтія.

Все это доказываетъ, что длинноголовый народъ, жившій въ самыя послѣднія дорусскія времена въ области однихъ только чисто-угорскихъ нерусскихъ названій мѣстностей въ вышепомянутыхъ губерніяхъ средней Россіи, не могъ быть другой кромѣ Угры. И дѣй-

ствительно нынѣшняя остяцкая и вогульская Угра еще до сихъ поръ единственный длинно-головый народъ на сѣверѣ. Это, какъ говорилъ графъ Уваровъ на С.-Петербургскомъ Археологическомъ съѣздѣ, мнѣніе г. академика Бэра. Венгры, третья отрасль древней Угры, конечно, въ нынѣшнее время, сколько извѣстно, уже не длинноголового типа; они, преимущественно въ самое первое время послѣ переселенія ихъ въ Паннонію, вслѣдствіе недостатка одноплеменныхъ женщинъ, по историческимъ свѣдѣніямъ сильно смѣшивались съ окружающими ихъ народами индо-европейскаго племени и такимъ образомъ постепенно измѣняли свой первоначальный типъ.

Изображеніе остяцкаго длинноголового типа можно видѣть въ сочиненіи Гофманна: *Der nördliche Ural*. Въ этой книгѣ изображена остяцкая дѣвушка въ профиль и возлѣ нея самоѣдская съ чисто монгольскимъ типомъ. Между тѣмъ какъ у Остячки верхняя часть затылка необыкновенно удлинена и челюсть длиннѣе обыкновенной, у Самоѣдки типъ самый короткоголовый. Финны и вся финско-черемисская вѣтвь финско-венгерскаго племени, т. е. Финны, Мордва, Лопари и Черемисы, напротивъ того короткоголовы. Зыряне, которые состоятъ въ болѣе близкомъ родствѣ съ Угрою, сколько извѣстно, тоже короткоголового типа. Угра, занимавшая, какъ это наглядно представлено на принадлежащей къ этой статьѣ картѣ, самое центральное мѣстоположеніе въ древней области финско-венгерскаго племени, лучше всѣхъ сохранила свой первоначальный африканскій типъ, между тѣмъ какъ народы упомянутаго племени, жившіе по краямъ области, отъ смѣшенія съ окружающими ихъ народами уже давно утратили свой первоначальный длинноголовый типъ.

Жившее до одиннадцатаго столѣтія въ вышепомынутыхъ мѣстахъ средней Россіи курганное племя, даже по свидѣтельству его череповъ, было собственно не финскаго и даже вообще не финско-черемисскаго, но угорскаго происхожденія. Курганными розысканіями на упомянутыхъ мѣстахъ наглядно подтверждены мои изслѣдованія о названіяхъ мѣстностей. Г. Аснелингъ, въ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ *Kirjallinen Kuukauslehti* и въ *Kuvallehti* (№ 21, 1873 г.), конечно говоритъ, что бѣжецкіе курганы западно-финскаго происхожденія, а курганы Владимірской и Ярославской губерній восточно-финскаго, то есть принадлежать уральскимъ вѣтвямъ финско-венгерскаго племени; но въ пользу этого мнѣнія не приводитъ никакихъ доказательствъ, которыя могли бы выдержать критику. Онъ только говоритъ, что въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерній и далѣе на востокъ будто бы нѣтъ цѣпочекъ, подобныхъ найденнымъ въ бѣжецкихъ курганахъ, и что будто бы всего только одна такая цѣпочка найдена въ курганахъ этихъ двухъ губерній. Но въ приложенныхъ къ статьѣ графа Уварова: *Описи мерянскихъ древностей, находящихся въ Румянцовскомъ музее въ Москвѣ, и Выпискахъ изъ дневниковъ 1851—4*, приведено 23 разныя цѣпочки.

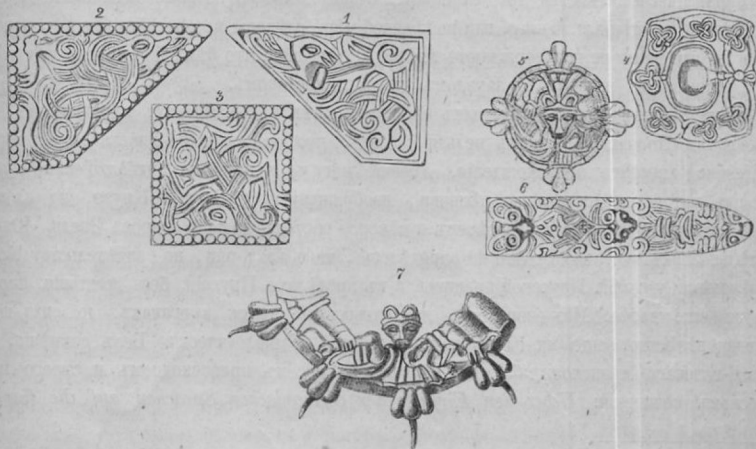
Большая часть цѣпочекъ, найденныхъ въ бѣжецкихъ курганахъ, сдѣлана изъ бронзовыхъ проволочныхъ спиральныхъ колечекъ. Три такія же бронзовыя цѣпочки упоминаются у графа Уварова. Но о многихъ цѣпочкахъ графъ Уваровъ не сказалъ, какія онѣ и изъ какого металла. Можетъ быть большая часть ихъ изъ бронзы, какъ и большинство другихъ вещей, найденныхъ въ тѣхъ же курганахъ. Нужно сказать, что между ними найдены и цѣпочки изъ желѣзной проволоки. Остатки одной такой желѣзной цѣпочки най-

дены были и въ бѣжецкихъ курганахъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вышепомянутыя двадцать три цѣпочки составляютъ только часть цѣпочекъ, найденныхъ въ курганахъ Владимірской и Ярославской губерній, такъ какъ изъ «дневниковъ» только напечатаны «выписки».

Въ статьѣ К. И. Невоструева: *Ананьинскій могильникъ*, напечатанной въ тѣхъ же *Трудахъ перваго археологическаго съезда въ Москвѣ* (ч. II, стр. 615), описаны найденные въ этомъ могильникѣ а) въ 8 дюймовъ бронзовая цѣпочка, совершенно похожая на нынѣшнія, какъ у Бэра (*Ueber die Gräber der Lieven. Taf. II, III*) и у Крузе (*Necrolivonica. Tab., 21, № 11*); б) въ вершокъ остатокъ цѣпочки изъ бронзовыхъ же тонкой проволоки колечекъ». Слѣдовательно даже въ Ананьинскомъ могильникѣ, на рѣкѣ Камѣ, около города Елабуги, изъ котораго довольно много бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей было выкопано крестьянами села Ананьина и продано г. Аспелину, были настоящимъ археологомъ, такъ сказать при первой раскопкѣ, найдены бронзовыя цѣпочки, которыя онъ сравниваетъ съ такими же цѣпочками, изображенными у Бэра и Крузе, до сихъ-поръ почти единственными источниками, въ которыхъ встрѣчаются изображенія древнихъ могильныхъ цѣпочекъ, найденныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Впрочемъ еще никакъ нельзя утверждать, что цѣпочки, находимыя въ курганахъ Московской, Владимірской и Ярославской губерній, равно какъ около Бѣжецка въ Тверской губерніи и около рѣки Камы, одного происхожденія съ такими же цѣпочками прибалтійскихъ губерній, не говоря о древнихъ цѣпочкахъ, найденныхъ въ Финмаркенѣ, въ сѣверной части Норвегіи. Для опредѣленія родины металла, изъ котораго сдѣланы эти цѣпочки, нужно было бы подвергнуть ихъ химическому анализу, а что такой анализъ имѣетъ большую важность, доказываетъ слѣдующее обстоятельство.

Въ статьѣ: *О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецк* (Журн. Мин. Нар. Просв. Декабрь 1872) я сказалъ, что изображенные ниже «украшенія»), принадлежащія къ лошадиной

*) Изъ нихъ фигура подъ № 7 есть развернутое изображеніе на украшеніи подъ № 5. На рукахъ, кото-

сбруѣ» и найденныя мною въ одномъ невысокомъ курганѣ около Бѣжецъ, «мѣдныя». Постѣ того я это словесно повторилъ г. Аспелину, прибавивъ, что эти вещи, хотя изображенные на нихъ «перевитые» драконы нѣсколько подходятъ къ подобнымъ же древнескандинавскимъ изображениямъ, все таки не могутъ быть скандинавскаго происхожденія, именно потому, что онѣ мѣдныя, такъ какъ извѣстно, что въ Скандинавіи въ дохристіянскія времена мѣди и мѣдныхъ вещей еще не было и что вслѣдствіе того даже германо-скандинавское названіе мѣди *kipfer, koppar*, отъ *cypricum metallum*, заимствовано въ послѣднее время. Но г. Аспелинъ тѣмъ не менѣе въ своей статьѣ, помѣщенной въ упомянутомъ журналѣ *Kuvalchti*, все таки сказалъ, что эти самыя вещи будто бы бронзовыя и скандинавской работы, хотя каждому извѣстно, что бронза уже съ перваго взгляда отличается отъ мѣди и что это различіе еще болѣе замѣтно на древнихъ курганныхъ вещахъ, изъ которыхъ бронзовыя, отъ примѣси съ оловинною окисью, бываютъ покрыты бѣлоютою зеленью, между тѣмъ какъ на мѣдныхъ вещахъ зелень гораздо темнѣе.

Для окончательнаго разрѣшенія этого разнорѣчія я упомянутыя мѣдныя вещи передалъ въ лабораторію Министерства Финансовъ, съ просьбою сдѣлать химическій анализъ металла, изъ котораго онѣ изготовлены. Вслѣдствіе этой просьбы я получилъ отъ управляющаго лабораторіею г. Кулибина слѣдующее свидѣтельство: «Д. П. Европеусъ доставилъ въ лабораторію Министерства Финансовъ три древнія вещицы, которыя по произведенной пробѣ оказались сдѣланными изъ красной мѣди, содержащей въ себѣ до полутора процента золота». Сверхъ того Г. Кулибинъ словесно сказалъ мнѣ, что «мѣдь въ этихъ вещицахъ, конечно, не совершенно чиста, но ее все таки никакъ нельзя назвать бронзою. Что касается до примѣси къ этой мѣди золота, то извѣстно, что золотистая мѣдь въ Россіи встрѣчается только на Алтаѣ.

Слѣдовательно мои слова о томъ, что эти вещицы «мѣдныя», самымъ вѣрнымъ образомъ оправданы и вслѣдствіе того становится очевиднымъ, что онѣ не скандинавскаго происхожденія, но скорѣе алтайскаго, или по крайней мѣрѣ сдѣланы изъ алтайской мѣди. Такимъ образомъ эти вещи не подтверждаютъ мнѣнія г. Аспелина, что бѣжецкіе курганы будто бы болѣе указываютъ на связь съ западомъ, чѣмъ съ востокомъ.

Даже о древностяхъ, найденныхъ на западѣ, «отъ прибалтійскихъ провинцій до Финмаркена въ Норвегіи», никакъ нельзя сказать, что онѣ «западно-финскаго» или вѣрнѣе собственно финскаго происхожденія. Древніе могилы и курганы прибалтійскихъ губерній, изъ которыхъ доставлены цѣпочки, изображенные у Бѣра и Крузе, по словамъ послѣдняго не простираются на сѣверъ и сѣверо-востокъ дальше острова Эзеля. Южные предѣлы этихъ кургановъ точно не опредѣлены, такъ какъ они, по свидѣтельству Крузе, встрѣчаются у самой Прусской границы, а въ предѣлахъ Пруссіи, безъ сомнѣнія, простираются еще далѣе. Изъ череповъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ, до сихъ-поръ, сколько извѣстно, еще ни одинъ не опредѣленъ краниологически. Безъ сомнѣнія, они древне-готскаго происхожденія. В. Томсенъ въ своемъ превосходномъ и строго методическомъ сочиненіи: *Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-*

рия находятся на этомъ украшеніи по обѣимъ сторонамъ медвѣжьей головы и держатъ какія-то вещи, надѣты браслеты, что показываетъ на изготовленіе этихъ украшеній тамъ, гдѣ браслеты были въ употребленіи.

lappischen вѣрно и очень наглядно доказаль, что Финны, до раздѣленія своего на различныя нарѣчія, въ своей древней родинѣ около Ладожскаго и Онежскаго озеръ, имѣли весьма тѣсное общеніе съ древними Готами. Дѣйствительно трудно предположить, чтобы Готы въ то время распространились далѣе острова Эзеля, но съ другой стороны еще труднѣе полагать, что они тогда жили въ мѣстахъ, гораздо болѣе отдаленныхъ отъ Финновъ, такъ какъ въ финскомъ языкѣ много словъ, заимствованныхъ изъ готскаго языка, болѣе, чѣмъ сколько ихъ приведено Томсеномъ въ вышепомянутой его книгѣ. Сверхъ того нужно замѣтить, что Финны жили въ сосѣдствѣ съ Готами значительно ранѣе того времени, которое назначаетъ Томсенъ. Это доказывается тѣмъ, что въ финскомъ языкѣ довольно много такихъ древне-германскихъ словъ, которыя непремѣнно были заимствованы въ то время, когда *k* и *p* въ германскомъ языкѣ еще не были измѣнены въ *h* и *f*, что по мнѣнію германскихъ филологовъ и самаго Томсена произошло ранѣе Рождества Христова.

Что касается могильныхъ каменныхъ грудъ, встрѣчающихся въ южной и западной Финляндіи, — земляныхъ кургановъ тамъ нѣтъ — то и изъ нихъ нѣтъ ни одной, о которой было бы доказано, что она «западно-финскаго», т. е. собственно-финскаго происхожденія. Даже живое народное преданіе во всей Финляндіи приписываетъ всѣ такіе памятники нефинскому народу, населявшему въ древнее время всю Финляндію, сѣверную часть Скандинавіи и даже Русскую Карелію въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи и въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Финское названіе этого древняго народа *Huusi*, корень *Huut*. Въ древнихъ исландскихъ сагахъ этотъ народъ, какъ выше сказано, встрѣчается подъ названіемъ *Jotun*, первоначально *Jatun* (см. *Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*), у Финновъ около рѣки Торнео еще до сихъ-поръ *Jatuni*. Нынѣшняя форма этого названія въ шведскомъ языкѣ *Jätte*, а живущіе около шведскаго населенія Финны передѣляли это названіе въ *jätti*, съ значеніемъ *великанъ*, въ которомъ значеніи слово *jätte* употребляется теперь и въ шведскомъ языкѣ. Даже подъ названіемъ *Huusi* этотъ древній народъ въ народномъ преданіи Финновъ слыветъ великанами, имѣющими исполинскую силу.

Этотъ древній народъ въ Финляндіи былъ Угра, о чемъ свидѣлствуютъ общія какъ для Финляндіи, такъ и для средней и сѣверной Россіи названія нефинскаго и нерусскаго происхожденія мѣстностей, которыя въ Финляндіи, равно какъ и въ Россіи, вездѣ оказываются принадлежащими такого рода мѣстностямъ, на какія указываетъ угорское значеніе окончанія. Профессоръ Альквистъ въ своемъ сочиненіи: *Beiträge zu einer neuen Grammatik der finnischen Sprache* (въ *Acta societatis scientt. Fenn., tom. IX, fasc. 2*) говорить, что всѣ встрѣчающіяся въ Финляндіи и въ Русской Кареліи окончанія названій угорскаго происхожденія мѣстностей будто бы собственно финскія и будто бы означаютъ на финскомъ языкѣ названія мѣстностей вообще. Но эти окончанія названій мѣстностей, которыя распространены по всей древне-угорской области, въ дѣйствительности ни въ Россіи, ни въ Финляндіи не встрѣчаются въ названіяхъ мѣстностей «вообще», но всегда помѣщаются при такихъ мѣстностяхъ, которыя опредѣляются угорскимъ ихъ значеніемъ, такъ что то изъ этихъ названій, окончаніе котораго въ угорскихъ языкахъ значить *рѣка*, всегда принадлежитъ рѣкамъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстностямъ, получившимъ названіе отъ такой рѣки, а названія, окончанія которыхъ въ тѣхъ же языкахъ значать *озеро*,

гора, вода, и т. д., принадлежатъ только *озерамъ, горамъ, водамъ*, и т. д. Кромѣ того часть этихъ окончаній только въ одной Россіи встрѣчается въ полномъ видѣ, на прим. названія рѣкъ на *юа, уа, оа, еа*, тогда какъ эти окончанія въ Финляндіи, по звуковымъ законамъ финскаго языка, непремѣнно должны были получить сокращенную форму *јаа*, и по большей части даже только *ја, іа, іо*. Эти формы сокращены отъ *јага, јога*; въ нынѣшнемъ остоячѣ языкѣ *јеага, јога*, по вогульски *ја, је* отъ *јага, јога*, по венгерски, въ венгерскихъ названіяхъ рѣкъ, *јо* отъ *јога*, по лопарски *јога*, по фински *јокі* и по зырянски *ји*, отъ *јуда*. Даже въ самоѣдскомъ языкѣ, относящемся къ татарско-алтайской семьѣ, это слово встрѣчается въ формахъ *јаһа, джаһа*. Оно, какъ не общая принадлежность татарско-алтайскихъ языковъ, должно быть заимствовано въ послѣднее время изъ финско-венгерскихъ языковъ. Образованное изъ этого финско-венгерскаго слова окончаніе названій рѣкъ встрѣчается какъ въ средней и сѣверной Россіи, такъ и въ Финляндіи въ однихъ только угорскихъ сложеніяхъ и часто смѣняется другими также чисто угорскими окончаніями, какъ на прим. *Пуеа*, по угорски *мъсъ-ръка*, вытекающая изъ озера *Пудоръ*, по вогульски *мъсъ-озеро*, близъ Вышняго Волочка; рѣка *Liinaja*, около верхняго теченія рѣки *Торнео*, вѣрнѣе *Tornio (Tornio)*, вытекающая изъ озера *Liinanki (Liinangi)*. Первое по остоячки значитъ *бѣла-ръка*, а второе буквально *бѣжино*. Самое *Tornio*, по остоячки *torn-joga*, значитъ *трав-ръка*, отъ лежащихъ около этой рѣки прекрасныхъ луговъ, затопаемыхъ весенними ея разливами. *Liinanki* и *Liinaja* даже по тому не могутъ быть финскаго происхожденія, что они находятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ около ста лѣтъ тому назадъ еще жило только одно лопарское населеніе. Точно также въ приходѣ *Kuusamo*, въ сѣверо-восточной Финляндіи, около полярнаго круга, гдѣ встрѣчается значительное число угорскихъ названій мѣстностей, имѣющихъ разныя окончанія, еще сто лѣтъ тому назадъ (см. *Sjögren, Beschreibung des Kemi-Lapplands*) жили послѣдніе Лопари, а въ историческое время онѣ были населены одними только Лопарями. Кромѣ того эти названія съ угорскими окончаніями встрѣчаются даже въ области нынѣшнихъ Лопарей и здѣсь всегда окончанія, означающія *ръку*, принадлежатъ названіямъ рѣкъ, окончанія съ значеніемъ *озеро* названіямъ озеръ и такъ далѣе.

Эти окончанія слѣдовательно никакъ не могутъ быть финскаго происхожденія, особенно когда число ихъ гораздо значительнѣе въ Россіи, чѣмъ предѣловъ собственно финскихъ названій, чѣмъ въ самой Финляндіи. Древнія могильныя каменные груды въ Финляндіи должны по этому принадлежать, какъ о такихъ памятникахъ говорить и народное преданіе въ этой странѣ, не финскому доисторическому народу высокаго роста, отличающемуся отъ малорослыхъ Лопарей.

Найденныя въ такихъ грудяхъ и въ современныхъ имъ древнихъ могилахъ въ Финляндіи бронзовыя цѣпочки также не могутъ быть приписаны собственно такъ называемымъ Финнамъ, но онѣ принадлежали, безъ сомнѣнія, тому же древне-угорскому народу, которому принадлежатъ вышеприведенныя, распространенныя по всей древне-угорской области на сѣверѣ, угорскія названія мѣстностей.

Нельзя также сказать, чтобы найденныя въ Финмаркенѣ, въ сѣверной части Норвегіи, такіе же древнія цѣпочки были собственно финскаго происхожденія, такъ какъ въ Финмаркенѣ не только не встрѣчается никакихъ собственно-финскихъ названій мѣстностей, но тамъ, по норвежскимъ и исландскимъ историческимъ свѣдѣніямъ, даже въ древнее

время не было никакого собственно-финскаго населенія, а было только лопарское и въ древнее время кое-гдѣ можетъ быть и угорское (*іатунское*), какъ указываетъ на то сохранившееся тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народное преданіе. Названіе Финмаркенъ нисколько не доказываетъ, что собственно такъ называемые Финны жили тамъ въ древнее время, такъ какъ по норвежски и по исландски слово Финнъ означаетъ Лопаря, а Финны въ этихъ языкахъ называются *Квенами* (*Qvæner*), что собственно значитъ жители около рѣки *Камкса*, по фински *Kaimin joki*, первой рѣки къ западу отъ рѣки Торнео. Жители около *Kaimin joki* называются по фински во множественномъ числѣ *Kainulaiset*, въ единственномъ *Kainulainen*. Древне-скандинавское слово *Quîno* произошло по звуковымъ законамъ отъ *kaino*, по готски *qino*, первоначальная индоевропейская форма *ganā жена**). Средняя часть теченія рѣки Камкса въ приходахъ *Korpilombolo* и *Jellivaara* еще до сихъ-поръ окружена финскимъ населеніемъ; названія же чисто финскаго происхожденія мѣстностей около нижняго теченія этой рѣки ясно доказываютъ, что и тамъ въ послѣднее дошведское время жили дѣйствительныя Финны. Этимъ объясняется, почему Финны по норвежски и по исландски называются Квенами, такъ какъ Квены были самая близкая и самая знакомая Норманнамъ часть Финновъ, точно такъ же, какъ Французы называютъ Нѣмцовъ *Allemand*, по имени пограничныхъ съ Французами древнихъ Аллемановъ. Изъ этого видно, что Финмаркенъ въ Норвегii въ древнее время не былъ населенъ настоящими Финнами, а такимъ образомъ и древнія цѣпочки, найденныя тамъ, не могутъ быть собственно финскаго происхожденія.

Такимъ образомъ г. Аспелингъ ничѣмъ не доказалъ, что найденныя въ курганахъ около погоста Бѣжецъ бронзовыя цѣпочки собственно финскаго происхожденія; что найденныя мною въ тѣхъ же курганахъ мѣдныя вещицы отъ лошадиной сбруи будто бы бронзовыя и скандинавскаго издѣлія, слѣдовательно западнаго происхожденія; что вышеупомянутые курганы будто бы западно-финскаго, то есть собственно финскаго происхожденія; что русскіе будто бы враждебнымъ образомъ вытѣснили предковъ Финновъ и Эстовъ изъ средней Россіи въ Финляндію и Эстляндію, какъ стараются это доказать прибалтійскіе германисты и финляндскіе скандинависты, и что вышеизложенные результаты моихъ изслѣдованій о названіяхъ мѣстностей средней Россіи будто бы невѣрны.

Остается высказать желаніе, чтобы курганныя и вообще археологическія изслѣдованія въ древне-угорской области и въ областяхъ другихъ финско-венгерскихъ народовъ, а также и въ мѣстностяхъ, лежащихъ вокругъ этихъ областей, были доведены до того, чтобы возможно было составить на основаніи этихъ изслѣдованій такую же археологическую карту сѣвера, каковая на основаніи изслѣдованій о названіяхъ мѣстностей сдѣлана для области древней Угры и настоящихъ Финновъ. Эти археологическія изслѣдованія должны не только подтвердить, но и во многомъ дополнить изслѣдованія о названіяхъ мѣстностей, такъ какъ старинныя названія мѣстностей вслѣдствіе неоднократной смѣны населявшихъ народовъ и отъ другихъ причинъ во многихъ мѣстахъ уже совершенно исчезли, между тѣмъ, какъ археологическіе памятники и находимыя въ нихъ самыхъ отдаленныхъ временъ вещи и кости являются наилучшими свидѣтелями о прошломъ даже и тамъ, гдѣ названія мѣстностей уже не даютъ никакихъ свѣдѣній.

*) См. *Fick, Vergl. Wörterbuch der indogerm. Sprachen*, 2 Aufl., стр. 57.

При пособіи такихъ изслѣдованій со временемъ, безъ сомнѣнія, возможно будетъ опредѣлить какимъ путемъ пришли сюда на сѣверъ предки всего финско-венгерскаго племени. Утвержденіе г. Альквиста, что происхожденіе Финновъ и всего финско-венгерскаго племени изъ Алтая есть «аксіома», вовсе не вѣрно. Самъ Кастренъ въ профессорской своей диссертациіи сказалъ, что родство финскаго племени, то есть финско-венгерскаго, съ алтайскими народами и языками «*quaestio est quam expedire aetatis fuerit proxima*». Г. Бетлингкъ въ предисловіи къ своему сочиненію: *Ueber die Sprache der Jakuten*, приведя вышеупомянутыя слова Кастрена, сказалъ рѣшительно, что родство финскаго племени съ алтайскими народами еще никакимъ методическо-филологическимъ образомъ не доказано.

Скорѣе можно полагать, что предки финско-венгерскаго племени пришли на сѣверъ черезъ среднюю и западную Европу, или вѣрнѣе черезъ Турцію, Италію, Францію, сѣверную Германію и Скандинавію. По крайней мѣрѣ во всѣхъ этихъ земляхъ, при обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ о самой глубокой древности, найдены длинноголовые черепа, совершенно сходные съ такими же черепами, найденными въ курганахъ Московской, Владимірской, Ярославской и Тверской губерній *). Въ сочиненіи Ретціуса: *Om de äldsta spåren af menniskans tillvaro på vår jord*, то есть *О самыхъ древнихъ слѣдахъ существованія человека на землѣ*, упоминается о находкахъ длинноголовыхъ череповъ около Босфора, во Франціи, Бельгіи и пр., а въ моемъ сочиненіи: *Ett fornfolk med långskallig afrikansk hufvudskålstyp i Norden, bestämdt till språk och nationalitet*, то есть *О древнемъ племени африканскаго длинноголоватаго типа на сѣверѣ, определенномъ по языку и національности* — о такихъ же находкахъ въ Италіи, Помераніи и южной части Швеціи. Остается только изслѣдовать послѣдовательно всѣ промежуточныя мѣстности въ этомъ же самомъ археологическомъ отношеніи, чтобы получить вѣрныя данныя для рѣшенія вопроса какимъ именно путемъ пришли на сѣверъ предки финско-венгерскаго племени. Сравненіе числительныхъ именъ финско-венгерскихъ и индо-европейскихъ доказываетъ, что предки финско-венгерскаго и индо-европейскаго племенъ въ старину были непременно одного происхожденія и жили въ однихъ мѣстахъ. А такъ какъ предки индо-европейскаго племени, послѣ выхода ихъ изъ Африки, очевидно жительствоваали гдѣ-то въ юго-западной Азіи, то и предки финско-венгерскаго племени въ древнее время непременно жили тамъ же. Самыя древнія и наиболѣе рѣшительныя доказательства, конечно, должны быть отысканы въ средней и верхней Африкѣ, страны которыхъ до сихъ поръ еще почти вовсе не изслѣдованы.

Посредствомъ числительныхъ именъ мною уже доказано **), что и татарско-алтайское племя должно было первоначально выдти изъ средней Африки. Года четыре тому назадъ, африканскій путешественникъ Швейнфуртъ, въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ Петерманомъ въ *Geographische Mittheilungen* (1870, стр. 155), сказалъ, что онъ въ упомянутой части Африки встрѣтилъ народъ Ньям-ньямъ, имѣющій чисто-монгольскій типъ и даже цвѣтъ

*) Выше уже замѣчено, что до печатанія этой статьи были мною найдены длинноголовые черепа въ курганахъ даже Устюженскаго уѣзда Новгородской губерніи. По почину и ходатайству нѣкоторыхъ ученыхъ, преимущественно Д. Я. Самоковскаго, Л. К. Ивановаго и др., и при просвѣщенномъ содѣйствіи Центрального Статистическаго Комитета, въ настоящее время приступлено къ собранію свѣдѣній о находящихся въ Россіи древнихъ курганахъ, городищахъ и пр., для составленія археологической карты Россіи.

**) См. мою статью въ *Suomi*, журналъ общества финской литературы, II отд., ч. 10, стр. 302 и слѣд.

лица болѣе желтый, чѣмъ у настоящихъ негровъ. Числительныя этого народа несходны съ алтайскими, но очень вѣроятно, что находятся въ средней Африкѣ и такіе народы, которые соединяютъ монгольскій типъ лица съ языкомъ, числительныя котораго приближаются къ самымъ первоначальнымъ формамъ татарско-алтайскихъ числительныхъ, такъ какъ числительныя сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ африканскихъ языковъ, а также семитическихъ, близко подходятъ къ числительнымъ татарско-алтайскимъ, или, вѣрнѣе, къ первоначальнымъ ихъ формамъ.

Во всякомъ случаѣ подробное изслѣдованіе о происхожденіи финско-венгерскаго племени и всего человѣческаго рода изъ верхней Африки теперь представляется очень интереснымъ вопросомъ антропологій, или науки о самомъ человѣкѣ, и было бы весьма желательно, чтобы этотъ вопросъ не былъ оставленъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій *).

*) Къ настоящей статьѣ, кромѣ общей карты, представляющей распространеніе на сѣверѣ финско-венгерскихъ народовъ въ древнее время, приложена еще карта Бѣлозерскаго края, на которой изображено размѣщеніе тамъ же угорскихъ названій мѣстностей. На этой картѣ видно, что на сѣверо-западѣ края, въ области, обитаемой еще до сихъ поръ Финскою Чудью, начинаются чисто финскія названія, безъ всякой примѣси угорскихъ. Чудскія названія мѣстностей поредеваютъ немного далѣе за нынѣшніе предѣлы Чуди; въ области же Угры нѣтъ финскихъ названій съ финскими неугорскими окончаніями.